

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж50

Серия «Дозоры»

Автор идеи С. Лукьяненко

Серийное оформление А. Фереца

Художник А. Гайворонская

Компьютерный дизайн К. Пасаданяна

Художественное оформление макета Е. Климовой и А. Булгаковой

Желунов, Николай.

Ж50 Сердце Сумрака : [фантастический роман] / Николай Желунов. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Дозоры).

ISBN 978-5-17-120070-1

Двенадцатилетний сын Ночных дозорных не хочет идти по стопам родителей; он мечтает о мире для Света и Тьмы, но в его ауре мерцают все цвета спектра — несформированная судьба. Здесь — тайна, корни которой скрыты в веках. И платой за прикосновение к тайне может стать жизнь.

Герои Тайного Дозора пережили штормовую весну 1998 года — но мрачное пророчество легло тяжелым грузом на их души. И вот, семнадцать лет спустя, призраки прошлого появляются снова.

Набравшая силу Инквизиция все строже следит за Дозорами — но, когда ударит колокол рока, земля задрожит под ногами у правых и виноватых, у преступников и судей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Н. Желунов, 2019
© С.В. Лукьяненко, 2013
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Данный текст рекомендован для изучения всем Иным.

Инквизиция

Пролог

Листая страницы памяти в поисках точки отсчета, приведшей к катастрофе, я неизменно останавливаюсь на конце декабря 2008 года.

Мы с пятилетним Огоньком бесцельно шагаем вдоль берега моря — и волны перекатывают у нас под ногами камешки с тихим звуком «ш-ш-ш-шу». Зимний пляж превратился в пустыню, протянувшуюся на многие километры от Севастополя до Евпатории, лишь чайки кружат над обглоданными прибоем глыбами песчаника. Невидимое солнце скользит за облачной поволокой, и сырой, пробирающий до костей бриз гоняет над черными горбами волн призрачную тень тумана. На губах привкус соли. Я смотрю на горизонт — туда, где исполинская скала рухнула когда-то в воду, словно павший в битве атлант, и застыла фантастическим изломанным силуэтом. Тысячи лет волны пытаются растащить ее на куски, оплетают канатами водорослей базальтовые мышцы мертвого великана, крутят пенные водовороты. Тщетно.

Огонек тянет меня за палец:

— Папа, почему в кино всегда снег на Новый год — а у нас нет?

Дозоры

Николай Желунов • Сердце Сумрака

— Потому что мы живем на юге. У нас снег выпадает редко и сразу тает.

— Превращается в воду?

— Да. Снег — это замерзшие капельки воды. Очень красивые.

— А юг — это Крым?

— Юг — это место, где всегда тепло.

Сын недоверчиво косится на меня, кутаясь в куртку. Я прячу усмешку — в Москве сегодня минус двадцать пять, а в нашем пляжном захолустье весь декабрь температура не опускалась ниже нуля.

— Папа, ты видел снег?

— Конечно. Раньше мы с мамой жили на севере, где зимой полно снега.

— А снеговика лепили? Как Кевин в «Один дома»?

— Спрашиваешь.

Огонек пыхтит мечтательно:

— Было бы здорово скатать снеговика!

Я обнадеживаю его:

— Когда-нибудь съездим в Москву к бабушке и дедушке. Там этого снега...

Но сам понимаю — мы не поедem. Даже приближаться к столице — слишком большой риск. Пресветлый Гесер не простил моей жене Нелли кражу ценного артефакта, и приказ об ее аресте все еще в силе. В памяти проносятся образы прошлого: лица погибших друзей из Тайного Дозора, грандиозный шабаш в «Лужниках» на Вальпургиеву ночь 1998 года, глумливая ухмылка Темного мага Дориана на заляпаных кровью губах — пока он жив, моя семья не может чувствовать себя в безопасности. Жесткое, словно высеченное из камня, лицо моего бывшего начальника, Скифа, с черной повязкой на выбитом глазу. Изредка я приезжаю в столицу, и каждый раз он ищет встречи со мной, но на вопросы о моей жизни в Крыму я отвечаю уклончиво. Тайный Дозор мы не поминаем.

Конечно, ведь Тайных Дозоров больше нет.

Или Гесер хочет, чтобы все так считали.

Ш-ш-ш-шу... ш-ш-ш-шу... — вкрадчиво шепчет прибой.

— Мама! — Огонек бросает мою руку и бежит прочь от берега тонкой тропкой вверх по расщелине. Края обрыва нависают над тропой с двух сторон, как бастионы двух вознесшихся к небу крепостей: одна из светлого песчаника, вторая из темного камня, — на их фоне фигурка сына кажется маленькой и беззащитной. Я иду следом.

Высоко на краю обрыва замер тонкий силуэт. Нелли зябко обхватила себя за плечи и напряженно смотрит вдаль, ощупывая взглядом туманную пелену над морем. Соленый ветер запутался в ее длинных, белых как лен волосах.

— Что-то случилось? — спрашиваю тихо.

— Ничего, Матвей, — так же тихо отвечает Нелли, но в голосе ее нет уверенности, — ровным счетом ничего.

Стоя рядом с нею, я долго вглядываюсь в серое мельтешение Сумрака над морем, и сомнения начинают одолевать меня. Что-то виднеется вдали, среди волн... может быть, то северный ветер пригнал синие льдины от далеких берегов... или хищные птицы дерутся в тумане над трупом дельфина...

Или это только обман зрения.

Ш-ш-ш-шу... ш-ш-ш-шу...

Между моих лопаток быстро скатывается холодная капля пота.

— До вешних зорь почил сей брег унылый, — говорю я, чтобы разрушить молчание, — лишь глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах.

— Аминь, — Нелли кивает, стряхивая наваждение, — пойдём и мы спрячемся до весны... Ну, что? Здесь кто-нибудь хочет пиццу с грибами и сыром?

— Я хочу! — кричит Огонек. — Папа, а что такое брег?

Мы шагаем к нашему дому с зеленой черепичной крышей, и сын со смехом повисает между нами, вцепившись в наши руки.

Вскоре мы едем в Севастополь и гуляем по набережной. Людей много: выходной день, солнечная погода. Огонек носится за голубями, ест сахарную вату и перебегает от одной сувенирной лавчонки к другой, с восхищением разглядывая игрушки. В тихой Каче жизнь скучновата, и редкие вылазки в город для него — праздники. Мы с Нелли на минуту задерживаемся у кафе, изучая меню, — и вдруг я замечаю, как лицо жены стремительно бледнеет.

Я оборачиваюсь, готовый ко всему.

Огонек живо обсуждает что-то со смуглым костлявым мальчишкой лет семи. Они обмениваются игрушечными пистолетами, и новый знакомый показывает нашему сыну, как крепится к стволу оптический прицел.

Аура мальчишки — густо-серая, с черной окантовкой. Темный!

— Ты приехал отдыхать или здесь живешь? — спрашивает он.

— Я живу... — начинает Огонек, но в этот момент Нелли подхватывает его на руки, словно грудничка, и почти бегом уносит прочь. Темный мальчишка с изумлением смотрит вслед.

«Возможно, это ничего и не значит, — думаю я. — Он признал в Огоньке будущего Иного и, естественно, потянулся к нему. Свет и Тьма! Да они же просто маленькие мальчишки с пластмассовыми пистолетиками...»

Но вся наша жизнь теперь становится другой. Мы не забыли пророчество. Рано или поздно мы с Нелли столкнемся с чем-то поистине ужасным — из-за того, что полюбили друг друга. И никуда не уйти от предположения, что это может быть связано с нашим сыном. Мрачное прошлое снова коснулось нас ледяным дыханием. Пусть наш дом надежно защищен — но на любой магический барьер найдется магический таран. Я держу один пистолет в прихожей, в сейфе, второй — в ящике у изголовья кровати в спальне. Нелли по утрам выполняет упражнения с катаной... но мы оба знаем:

враг любит нападать большими силами — а у нас лишь два клинка и три ствола.

Вечером тридцать первого декабря я прошу Огонька выйти с закрытыми глазами на крыльцо. Когда он открывает глаза — вскрикивает от радости. Наш двор, ветви абрикосовых деревьев и крыши соседних домов покрыты пушистым белым снегом. Косматые снежинки, кружась, падают с неба, и Огонек ловит их ртом, с изумлением разглядывает мельчайшие льдистые узоры на рукаве куртки. Слепив снеговика, мы возвращаемся домой — счастливые и мокрые.

— Не делай так больше, — шепчет Нелли, — во всем Крыму ни снежинки, а нас завалило. Даже дураку ясно, что здесь магия.

— Мало ли колдунов в Крыму, — возражаю я, — уже нельзя ребенка порадовать снегом в новогоднюю ночь?

— Пожалуйста, не надо, Матвей. Мне страшно.

Я молча качаю головой. Что же нам теперь, вообще отказаться от магии? Мы и так ее используем нечасто. Вылечить заклятием насморк, склеить разбитую чашку... а еще я порой навешиваю над женой «сферу невнимания»: когда Нелли выходит в купальнике на пляж, мужчины вокруг становятся назойливо общительными. Вот и все колдовство, что мы позволяем себе.

Немного не дотерпев до курантов и речи президента по телевизору, Огонек засыпает за столом, и я уношу его в кроватку.

Мы допиваем шампанское и отправляемся в спальню. Занимаемся любовью, а после долго шепчемся в темноте, перебирая воспоминания, словно выцветшие фотографии. Еще один год ушел в прошлое. Неподалеку все так же мерно вздыхает море (ш-ш-ш-шу), но грохот волн стал громче — к полуночи усилился ветер. Штормовые порывы проносятся над длинным изломанным берегом, вздымая песчаные смерчи, срывая с обрыва камни и бросая их в соленую пучину. Но в нашем доме — сонный покой и тепло. Я понемногу соскальзываю в дрему...

Поэмы

Николай Желунов • Сердце Сумрака

...и слышу тихий звук из комнаты сына.

Стук в окно.

Он повторяется — тревожный, настойчивый, четкий.

Тук-тук-тук.

Нелли уже стоит в коридоре — по голым плечам рассыпались светлые волосы, — и катана в ее руке сверкает лунным серебром.

Я достаю пистолет. Мы неслышными тенями вползаем в комнату Огонька.

Он спит, разметавшись в кровати. В Сумраке переливчатым теплым светом сияет над ним аура — очень редкая радужная аура будущего Иного с несформированной судьбой. А за двойным стеклом, на подоконнике, примостился огромный ворон. Он пристально смотрит на нас черным лукавым глазом, и я вижу в нем насмешку. В печной трубе злобным воем заходится ветер, обещая беспокойную ночь всем, кто сейчас в море. Ворон снова стучит клювом по доске, а затем тяжело взмахивает крыльями и растворяется в бескрайнем облаке мрака над закипающей штормом пучиной.

— Это просто птица, — говорю я Нелли, — всего лишь птица.

Но мы оба знаем, что это
не так.

часть

Попытка
к бегству

Глава 1

*Санкт-Петербург, набережная реки Карповки, 30
19 сентября 2015, 21:36*

Вкус крови на губах.

За стенкой ударил исполинский колокол, разрывая барабанные перепонки. Прокатилась по квартире упругая обжигающая волна — и пала тьма.

В безмолвии комаром звенело эхо.

Багровый водоворот... едкий запах горелого пластика... и соленый вкус крови.

Неужели это — смерть?

Нелли вздрогнула, жадно втянула воздух в легкие.

Сразу же пришла боль, давящая, пульсирующая — отзвук свирепой колокольной затрещины. Боль приливами скручивала тело, сосредоточивалась в висках и кончиках пальцев. Боль сочилась из носа горячими каплями.

Жива!

Превозмогая тошноту, Нелли открыла глаза.

Она сидела на кухонном полу, среди битого фарфора и кусочков мелко рубленных овощей для салата. Под окном — опрокинутая табуретка. Над ней цветастая занавеска с черным дымящимся краем.